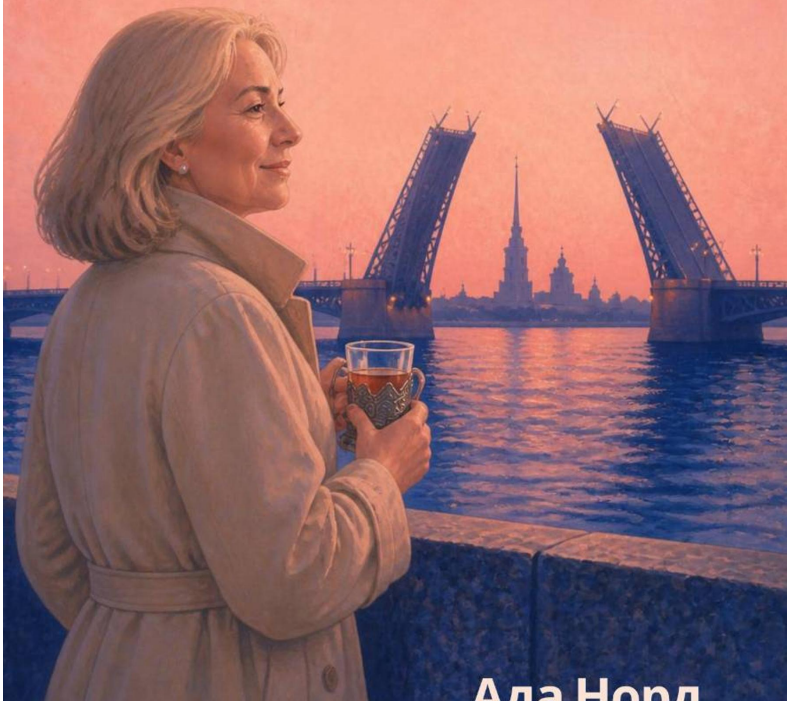
Разводные мосты

Ада Норд

Ада Норд
Разводные мосты

https://litres.ru/74737607
SelfPub; 2026

Аннотация

Нине Ветровой 55. Она успешный семейный психолог, ведёт на телевидении программу «Семейный совет» и дописывает книгу о тридцати годах счастливого брака. Но после поездки в Венецию издание книги приходится отменить. А после поста «Мы разводимся» Нина превратилась в мем.

Смешной и честный роман о женщине, которая умеет ставить диагнозы всем, кроме себя.

Содержание

Часть первая 4
Глава 1 4
Глава 2 15
Глава 3 24
Глава 4 34
Глава 5 43
Глава 6 52
Глава 7 60
Глава 8 69
Часть вторая 78
Глава 9 78
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Ада Норд
Разводные мосты

Часть первая
Гнездо

Глава 1
Фаза истощения

С профессиональной точки зрения у меня всё было хорошо. Тридцать лет брака, четверо детей, девять сезонов «Семейного совета», три книги, одна переведена на английский. Если бы я пришла к себе на приём, я бы себе позавидовала.

В субботу мы проводили близнецов в Казань. Занятия у них шли с первого, но общежитие заселяли только с седьмого, и Миша объяснил нам, что первую неделю там всё равно ничего не происходит. Два чемодана и гитара на двоих (играет Миша, носит Гриша). На перроне Гриша сказал: «Мам, только не снимай». Я не снимала, хотя рука дважды сама полезла в карман. Андрей купил им пауэрбанк на двадцать тысяч миллиампер-часов и при мне проверил, заряжен ли. Поезд ушёл в 21:12. Андрей сверился с часами и сказал: «По

графику».

С Казанского вокзала мы ехали домой молча. Андрей вёл машину и слушал по громкой связи, как в Екатеринбурге принимают фуру с креветкой. Я смотрела на Садовое кольцо и считала, сколько раз за девятнадцать лет отпускала близнецов куда-то без себя. Вышло четыре раза, если считать поход, из которого Миша вернулся с клещом и без кроссовок. Все четыре раза они возвращались через три недели. В этот раз обратных билетов никто не покупал.

В воскресенье утром Миша написал в семейный чат: «Доехали, общага норм». Через минуту Гриша прислал фотографию своей кровати в общежитии, уже заправленной. Мишиной кровати в кадре не было.

Дверь в их комнату я в воскресенье не открывала. Я решила, что первую неделю туда не захожу, и продержалась до понедельника. Андрей полдня разбирал на балконе коробки с зимней резиной и был очень доволен: резину давно пора было разобрать. Я испекла яблочный пирог на восемь человек, по привычке, и мы съели по куску. Остальное он в понедельник увёз на склад.

В понедельник утром я сорок минут стояла перед шкафом и выбирала между двумя голубыми блузками. Блузки были одинаковые. Вторую я купила, когда посадила пятно на первую, а первую потом отстирала.

После этого я прошла опросник Бойко на эмоциональное выгорание. Я сто раз показывала его в эфире (рейтинг в тот

вечер был хороший, редактор просил повторить). Восемьдесят четыре вопроса, ответы «да» или «нет». У меня вышла фаза истощения, сложившаяся. Я проверила по ключу, а потом ещё раз, медленно, водя по строчкам карандашом, как первоклассница. Я всё надеялась, что Бойко где-нибудь в ключе напутал. Ключ этот я знала почти наизусть, напутать в нём было негде.

Листок я сложила вчетверо и убрала в сумку. Надела первую блузку.

До обеда у меня было два клиента по видео, из домашнего кабинета. Оба опоздали на пять минут и извинились одними и теми же словами, хотя друг друга не знают. В час Соня прислала из Петербурга пост на завтра. Соня пять лет ведёт мои соцсети и пишет мне, как пишут начальнику, которого любят: «Мам, я тут чуть поправила, глянь и жми». Я глянула на первый абзац и поставила публикацию на десять утра. Первый абзац был хороший.

На канал я приехала к шести. В гримёрке Лиля разглядывала меня в зеркале дольше обычного. Лиля гримирует меня столько лет, что знает моё лицо лучше меня.

— Нина Андреевна, вы что, не спали? Нет, вы не отворачивайтесь, мне в зеркале всё видно.

— Спала, Лиль. Часов семь спала, честное слово.

— Значит, это у вас характер, — сказала Лиля и взяла консилер на тон темнее.

Она повернула мой подбородок влево, к удачной стороне,

и держала его двумя пальцами, как котёнка, которого собираются умыть.

— Проводили мальчиков? — спросила она.

— Проводили.

— Ну и правильно, — сказала Лиля, хотя я не спрашивала, правильно ли.

Пока она работала, я писала карточку для эфира. Я пишу их с первого выпуска и не заглянула ещё ни в одну. Карточка нужна рукам. Тема выпуска стояла в сетке как «Осень в семье». Эдуард придумывает темы за неделю, а люди всё равно звонят про своё. На карточке я написала: «Не пугать. Не обещать». Подумала и подчеркнула второе.

Зашёл Лёша, редактор, с наушником и распечаткой. В распечатке было четыре звонка, по три минуты, и пометки его почерком: «плачет», «злая», «из Коломны». Пометки он делает для меня, хотя знает, что я их не читаю.

Следом заглянул Эдуард, уже в пиджаке.

— Нина Андреевна, сегодня светло, — сказал он. — Осень, но без депрессии, договорились? У нас после вас реклама банка, а банк просил, чтобы никто не рыдал. Ну, в меру можно, в меру даже хорошо.

Он ушёл, а Лиля налила мне чаю и поставила кружку справа, ручкой ко мне.

Эфир у нас по понедельникам, в половине восьмого, прямой. Над второй камерой висят часы, и я смотрю на них, когда не знаю, что сказать. Смотреть я давно научилась так, что

зрители думают: Нина Андреевна задумалась.

Первой дозвонилась женщина из Коломны. Невестка не пускает её к внуку без звонка. Я посоветовала звонить прямо с лестничной площадки: формально предупредила, по сути уже пришла. Женщина засмеялась, и Лёша сказал в наушнике: «Отлично, следующая». Следующая была злая. Она злилась на мужа с девяносто первого года, а на меня три минуты, ровно по регламенту.

Третьей в распечатке у Лёши стояло «плачет». Я поправила наушник.

Галину вывели в эфир в 19:42.

— Меня зовут Галина, мне пятьдесят четыре, — сказала она. Голос был такой, будто она звонит из ванной и открыла воду. — Муж у меня хороший. Не пьёт, лампочки меняет. А мне хочется кричать.

В наушнике Лёша сказал: «Три минуты».

В учебниках это называется «эмоциональная депривация в стабильном браке». Ни одной из своих Галин я этих слов не говорила, от них хочется кричать ещё сильнее. Звонили они раз в неделю, с разными именами и одинаковыми мужьями, и ответ у меня лежал наготове. Я давала его столько раз, что он стёрся до гладкости, как ступенька в метро.

— Галина, вы стоите у двери, — сказала я. — У этой двери стоят все. Поговорите с мужем. Скажите словами, чего вам не хватает, сам он не догадается. Сначала сделай всё. Потом можно уходить.

Это моя фраза. Её печатают на кружках без моего разрешения. На одной кружке вторую половину отрезали, чтобы влезла ромашка. Эту кружку мне подарила зрительница на встрече в Туле, и я пью из неё чай в гримёрке.

Галина помолчала. Было слышно воду.

— А если я уже всё?

Я посмотрела на часы над второй камерой. У Галины оставалось полторы минуты.

— Тогда ещё немного, — сказала я.

Ответила уверенно, с паузой перед «немного». Паузу тоже надо уметь держать, это профессиональное. Я улыбнулась во вторую камеру, она берёт меня с удачной стороны.

— Спасибо, Нина Андреевна, — сказала Галина, и Лёша её снял. Вода оборвалась на середине звука. Мы ушли на рекламу.

В рекламу я думала про лампочки. Андрей тоже меняет лампочки: покупает их сразу по десять штук, тёплого света, и записывает в телефон, где и когда поменял, поэтому я точно знаю, что в коридоре у нас последняя стоит с апреля.

После рекламы были мужчина из Мытищ, у которого жена купила второй велотренажёр, и девушка, которая два года не знакомит жениха с папой. Им я тоже ответила. Часы над второй камерой понадобились мне ещё четыре раза. Эфир кончился минута в минуту, и оператор второй камеры показал мне большой палец.

После эфира в коридоре меня догнал Эдуард.

— Нина Андреевна, Галина огонь, — сказал он. — Вода эта в трубке, вы слышали? У меня мурашки. Нарежем на короткие.

Эдуард режет на короткие ролики всё, включая планёрки.

Он шёл рядом и показывал телефон: монтажёр уже прислал первые сорок секунд. Я сказала, что у меня на щеке видно след от наушника.

— Да кто его заметит, Нина Андреевна! А заметят, так ещё лучше. Живой же человек, в наушнике работала.

Домой меня вёз водитель канала Рустам. Рустам слушает в машине «Шансон» и выключает его, когда я сажусь. Я каждый раз делаю вид, что не слышала первых двух секунд. Всю дорогу я думала, во сколько Галине обходится вода в месяц.

Мы ехали по Третьему кольцу, и я считала. Смеситель в ванной даёт литров шесть в минуту, я однажды проверяла с ведром, когда у нас потекла прокладка, а сантехник ехал два часа. Если Галина плачет минут по десять каждый вечер, выходит шестьдесят литров. За месяц почти два куба. Рублей четыреста, если вода тёплая. Я решила, что тёплая.

У подъезда Рустам, как всегда, подождал, пока я войду. Когда я обернулась у двери, он уже тянулся к приёмнику.

Мы живём на Плющихе, седьмой этаж, окна во двор. В лифте у нас зеркало, и в нём я выглядела, как после каждого эфира: лицо отдельно, шея отдельно. Граница проходит там, где у Лили кончается спонж.

Я развернула опросник, разгладила ладонью и положила

на кухонный стол, посередине, чтобы его нельзя было не заметить. Так делают мои клиентки. Я каждый раз объясняю им, что записки не работают.

Я смыла грим, надела старую футболку Андрея и села ждать. Опросник лежал на одной стороне стола, я сидела на другой. Со стороны можно было подумать, что у нас приём.

Андрей пришёл в 23:05. Поцеловал меня в висок, всегда в левый. Тридцать лет в левый.

— Как эфир?

— Хорошо.

— Я не успел, на складе проверка. Посмотрю в записи.

Он говорил это каждый понедельник, девятый сезон. Однажды я спросила, о чём был выпуск, который он посмотрел в записи. Он сказал: «Про семью».

Андрей переложил опросник на подоконник, чтобы не залить, и поставил на стол ноутбук.

— Мальчики писали что-нибудь? — спросил он, открывая почту.

— Вчера ещё. Доехали, общага, пишут, норм. Гриша вон кровать прислал.

— Заправленную?

— Заправленную. Он же Гриша.

Андрей кивнул. Так он кивает, когда ему приходит подтверждение по накладной.

— Ты ложись, — сказал он. — Мне тут ещё на час.

Я постояла в дверях. Андрей печатал двумя пальцами,

быстро и громко. Он всю жизнь печатает двумя пальцами и всё равно быстрее меня.

Я пошла в комнату близнецов. Дверь была закрыта с субботы. Я открыла, и оттуда пахнуло Мишиным дезодорантом и хлоркой: Гриша оставил на стуле сумку для бассейна, сказал, что в Казани купит новую.

Гришина кровать была заправлена, Мишина нет. Так было всю их жизнь, и я так и не узнала, в кого Гриша такой. На полке стоял Гришин кубок по плаванию, второе место, 2019 год. Рядом банка из-под кофе с мелочью: Миша с седьмого класса копил «на гитару получше». Гитару получше ему подарили на восемнадцатилетие, а мелочь осталась. Над Мишиной кроватью торчал пустой крючок, на котором висела гитара.

На дверном косяке карандашом были отмечены их роста, с четырёх лет до шестнадцати. До двенадцати Гриша был выше на сантиметр, а в тринадцать Миша вытянулся за одно лето и обогнал его на два, и Гриша неделю с ним не разговаривал. Последние две черты Андрей провёл по линейке.

Я принесла из кабинета кольцевую лампу, сорок пять сантиметров в диаметре, поставила телефон на полку между кубком и банкой и включила свет.

— Пустое гнездо, — сказала я в телефон. — Пять вещей, которые помогут…

Первым пунктом у меня шло: не сидите подолгу в их комнате. Я сидела на Гришиной кровати и старалась её не по-

мять.

На первом дубле дрогнул голос. На пятом я забыла четвёртую вещь, хотя сама её придумала. Седьмой получился, только из-под кровати в кадр торчал Мишин носок. Я решила, что так даже живее.

Выключила лампу. Носок поднимать не стала.

Ролик я выложила в 00:40. Андрей к тому времени спал. Он засыпает сразу, как будто его выключили из розетки.

Соня в Петербурге ещё не спала и через шесть минут написала: «Мам, ты сама смонтировала?? Там носок». Я ответила, что знаю. Соня прислала три вопросительных знака и вышла из сети.

Утром она написала: «Ладно. Носок работает». У ролика было полмиллиона просмотров и сорок одна тысяча лайков. Первым стоял комментарий, под которым набралось две тысячи триста сердечек: «Нина Андреевна, вам-то хорошо, у вас Андрей».

Я поставила две тысячи триста первое.

Андрей уже уехал. На подоконнике лежал опросник, на нём стояла его чашка. Кофейное кольцо пришлось ровно на «фазу истощения».

Вопрос психологу

Нина Андреевна, здравствуйте. Это я звонила в понедель-

ник, но в эфире не успела сказать главное. Мне 54 года, замужем 31 год. Муж хороший, я это повторю и тут. Не пьёт, не гуляет, лампочки меняет. Дети выросли, внуков двое. Всё у нас как у людей. А я последний год плачу в ванной. Открываю воду, чтобы он не слышал, плачу, потом закрываю и иду греть ужин. Счёт за воду вырос на четыреста рублей. Муж спросил, не течёт ли бачок. Я сказала, что течёт. Он починил. Бачок теперь в порядке. Я пишу вам с работы, в обед, потому что дома мне писать негде. Скажите, что со мной не так?

Галина, Серпухов

Отвечает Нина Ветрова

Галина, спасибо за ваше письмо и за смелость. С вами всё в порядке. Слёзы, которые вы прячете, это сигнал: вашим чувствам давно не находится места в семье. Муж починил бачок, потому что увидел поломку, которую умеет чинить. Покажите ему другую. Выберите спокойный вечер и расскажите мужу то, что написали мне, теми же словами. Используйте я-сообщения: «мне одиноко», «мне не хватает тепла». Тридцать один год стоят того, чтобы за них побороться.

Сначала сделай всё. Потом можно уходить.

Ваша Нина Ветрова

Глава 2
Холодильник

Ни одного нашего холодильника я за тридцать лет не слышала. Сначала их заглушали дети, потом детская музыка, а последние годы двери. Двери у нас хлопают по-разному, и я по звуку знала, кто пришёл. Гриша закрывает тихо и дважды проверяет замок. Миша задевает косяк гитарой и говорит косяку «извините». Соня, пока жила с нами, захлопывала дверь ногой, потому что в руках у неё всегда был телефон. Тимофей давно живёт отдельно и до сих пор звонит в домофон, хотя ключи у него есть. А Андрей поворачивает ключ так медленно, чтобы никого не разбудить, что я просыпаюсь от одного ожидания щелчка.

В среду утром я налила кофе, села за стол, и холодильник загудел. Ровно, басом, как будто его только что включили. Я встала и проверила дверцу, дверца была закрыта.

Я села обратно и засекла. Холодильник гудел четыре минуты, щёлкнул и замолчал. Через двадцать две минуты загудел снова. К обеду я выучила его расписание лучше, чем своё на среду, хотя на среду у меня ничего не было.

Андрей торгует холодом в двенадцати городах. У него сто сорок тысяч квадратных метров минус восемнадцати, в основном рыба и мороженое. В собственный холодильник он заглядывает раз в сутки, за кефиром.

В учебнике по жизненному циклу семьи этому этапу отведено полторы страницы. Я читала их на втором курсе и решила, что это про стариков. В начале у нас с Андреем была комната в коммуналке на Лиговском и одна табуретка. На ней сидел тот, кто ел первым. Теперь у нас кухня двадцать два метра и восемь стульев, и мы всё равно едим по очереди.

Табуретку Андрей нашёл во дворе, отшкурил и покрасил. Соседка, бывшая буфетчица, записывала в тетрадку, кто сколько жжёт газа на общей кухне, и Андрея любила: он жёг меньше всех и бесплатно чинил ей кран. Тетрадка осталась в Петербурге вместе с соседкой, табуретку мы увезли в Москву. Теперь она живёт у нас на балконе, под его обувью.

Днём Эдуард прислал скриншот: нарезка с Галиной набрала миллион просмотров. Под скриншотом он написал «три огня» словами, потому что я однажды попросила его не присылать мне картинки. Под нарезкой было восемь тысяч комментариев. Женщины писали Галине: «Держитесь», «Я тоже открываю воду». Одна написала: «А я включаю пылесос». Я поставила ей сердечко и через секунду убрала. Ведущей нельзя выделять своих.

После обеда я пошла в кулинарию в соседнем доме. Продавщица там знает меня девятнадцать лет, с тех пор как я приходила с коляской на двоих, и ни разу не сказала, что видела меня по телевизору. За это я хожу только к ней.

— Котлеты как обычно? — спросила она. — Восемь?

— Четыре.

Она взвесила четыре и положила сверху пятую, маленькую, с края противня.

— А это вам. На пробу.

Котлеты у неё не меняются, пробовать там нечего. Дома я убрала их на среднюю полку. Холодильник как раз включился, и я отдёрнула руку, как от чужой собаки.

Перед ужином позвонила Соня.

— Мам, ты видела? У Эдуарда миллион! — сказала она. — А у тебя гнездо, между прочим, уже миллион двести, и лайков девяносто тысяч. Давай вторую часть, срочно. «Ещё пять вещей».

— Сонь, я первые-то пять еле придумала, полночи сидела.

— Ну мам. Я придумаю, ты только скажешь. Говорить-то ты умеешь.

Я согласилась. Соня отключилась на полуслове, она всегда так отключается, когда уже начала работать.

Вечером позвонил Тимофей. Он звонит по средам из машины, по дороге с работы, и разговор длится ровно до его парковки.

— Мам, привет. Как вы там без мелких?

— Тихо, Тим. Непривычно даже. Котлет вот купила четыре.

— Ну и хорошо. Отдохнёте хоть.

— А Ксюша как? Ты ей привет передавай, слышишь?

— Нормально, работает. Передам, передам. Всё, мам, я паркуюсь.

За его голосом щёлкал поворотник. Паркуется он всегда в нужный момент, это у них с Андреем общее.

В четверг в четыре пришли Гусевы. Олегу сорок два, Свете сорок, женаты четырнадцать лет, у меня третья сессия. Кабинет мой на Чистых прудах, лифт там старый, с решёткой, которую надо закрывать вручную, и Гусевы начинают ссориться ещё в нём, выясняя, чья очередь. Коробку с салфетками на столике у дивана я обычно меняю раз в две недели. С Гусевыми выходило раз в неделю.

— Ты купил маме блендер, — сказала Света, не успев сесть. — На семьдесят лет.

— Она сама говорила, что старый гремит!

— Она говорила это в восемнадцатом году!

— Значит, семь лет гремел!

— Ей семьдесят, Олег. Юбилей. Она хотела в Кисловодск, на воды, она мне три раза говорила.

— Тебе говорила. Мне она говорила про блендер.

— Потому что с тобой она может говорить только про технику!

Олег повернулся ко мне, как боксёр к судье, когда соперник бьёт ниже пояса.

Я попросила их говорить по очереди и начинать с «я». В эфире я объясняю я-сообщения за сорок секунд, на приёме за пятьдесят минут, и не всегда успеваю.

— Я чувствую, что он идиот, — сказала Света.

— Тут в конце «он», — сказал Олег. — Значит, не счи-

тается.

— Считается! Я же чувствую!

Олег попробовал сам, глядя на часы у меня за спиной:

— Я чувствую, что меня никто не спросил, что дарить.

— Тебя спросили! В августе!

— В августе я был на рыбалке.

— Вот именно, — сказала Света, и оба замолчали.

Это называется «конструктивный конфликт»: люди ругаются при свидетеле и платят ему за это восемнадцать тысяч. Гусевы ругались все пятьдесят минут. Света плакала. Олег дважды вставал и садился обратно.

Под конец я спросила Олега, что сказала тёща, когда открыла коробку.

— Сказала: «Ну зачем ты тратился». И сразу сделала нам морс.

— В блендере?

— В блендере.

— Она всем так говорит, — сказала Света. Уже тише. Она взяла из коробки сразу горсть салфеток и одну отдала Олегу, хотя он не плакал.

В конце Олег снял свой шарф и надел Свете на шею, потому что к вечеру похолодало, а она пришла в лёгкой куртке. Света шарф не сняла. Ругаться при этом не перестала.

Когда они ушли, я записала в карточку: «Конфликт активный, контакт сохранён», и подчеркнула «контакт» два раза. Из шахты лифта было слышно, как они спорят, кто нажал не

ту кнопку. На втором этаже Света засмеялась.

В пять позвонила Жанна из издательства.

— Нина Андреевна, добрый день, — сказала Жанна. — Напоминаю, что рукопись «Мы — команда. Тридцать лет спустя» стоит у нас в плане на первое декабря. Маркетинг запустил предзаказ, на сегодня три тысячи сто предзаказов. Обложка согласована. Как у нас движется основной массив текста?

Жанна говорит «основной массив текста», как будто у меня там залежи.

— Идём по графику, Жанна, — сказала я.

Так говорит Андрей. На обложке мы с ним стоим спина к спине, скрестив руки, и улыбаемся. Снимали в мае. Фотограф просил Андрея улыбнуться пошире. Андрей спросил: «Сколько ещё дублей?» Фотограф сказал, что двенадцать. Андрей выдержал все двенадцать, и на первом дубле он улыбается так же, как на последнем, я потом сравнивала.

— И ещё, — сказала Жанна. — Маркетинг просит фото с рабочего стола. Рукопись, чашка, очки. Только чтобы на экране был текст. Настоящий. Читатели сейчас всё увеличивают.

Вечером Андрей ел котлету и читал с телефона отчёт. Я видела экран вверх ногами: Екатеринбург, креветка, тонны с запятыми.

— У меня сегодня пара поругалась из-за блендера, — сказала я. Фамилий я дома не называю. Блендер можно, блен-

дер ничей.

— Из-за чего?

— Он подарил тёще блендер на семьдесят лет.

Андрей подумал.

— Какой фирмы?

— Да не знаю я, Андрей. Какая разница?

— Если «Бош», нормальный подарок, — сказал Андрей и вернулся к отчёту. — Котлеты вкусные.

Котлеты были из кулинарии. Я сказала «спасибо». Пятую, маленькую, я съела днём сама, стоя у плиты.

Про мальчиков он спросил уже из-за отчёта. Я сказала, что звонил Миша: в общежитии третий день нет горячей воды, моются после пар в спортзале. Андрей открыл заметки и написал: «Казань. Вода». Больше он про воду не спрашивал: вопрос был записан.

После ужина он ушёл в кабинет, а я вымыла руками две тарелки и сковородку. Включать ради них посудомойку на двенадцать комплектов было всё равно что гонять фуру за одной коробкой мороженого, так сказал бы Андрей, если бы видел.

Ночью я встала попить воды и долго стояла у открытого холодильника. Свет из него ложился на пол жёлтым квадратом. Кефир и банка Гришиной горчицы, которую никто, кроме Гриши, не ест. Холодильник гудел и ждал, когда я закрою дверь. На дверце висели магниты из всех наших поездок, сорок три штуки. Мальдивы где-то внизу, у морозилки, Казань

наверху. Магнит с гондолой Гриша в двенадцатом году повесил вверх ногами, и так его никто и не перевернул.

Я закрыла. Принесла из кабинета ноутбук и села за кухонный стол. Жанне нужна была фотография экрана с настоящим текстом, и я решила, что сейчас его и найду.

Файл назывался «Мы_команда_ФИНАЛ_2.docx». Четыре страницы. Последнее изменение: 14 марта 2023 года. Через два дня после моего дня рождения. Мне исполнилось пятьдесят три, и я решила начать новую жизнь с понедельника. Четырнадцатое было вторником.

Я прочитала все четыре страницы, медленно, как чужую рукопись. Вступление начиналось словами: «Когда меня спрашивают, в чём секрет нашего брака, я отвечаю: в табуретке». Ниже шло оглавление на двенадцать глав. Вторая глава называлась «Табуретка», третья «Восемь стульев». Дальше я, видимо, устала придумывать про мебель, и шли просто цифры. Написаны были вступление и половина первой главы, про то, как мы познакомились у общего друга на Петроградской. Последняя фраза была такая: «Андрей всегда знает, что мне нужно, раньше, чем я успеваю это сказать».

Я поставила курсор после точки и сидела так, пока не погас экран.

Потом закрыла ноутбук. Холодильник гудел всю ночь. Я проверяла в три и в пять.

Вопрос психологу

Нина Андреевна, мы с мужем вместе 34 года. Младший сын в августе уехал учиться в Москву. Теперь мы ужинаем вдвоём и молчим. Он смотрит в телефон, я в тарелку. Раньше мы говорили про сына: что он ел, с кем дружит, сдаст ли химию. Сын уехал, и говорить стало не про что. Вчера он сказал: «Передай соль», и я обрадовалась. О чём говорить с человеком, с которым всё уже сказано?

Ирина, Липецк

Отвечает Нина Ветрова

Ирина, то, что вы описываете, переживают почти все пары, когда дети уходят из дома. Тридцать четыре года вы были родителями, теперь вам заново предстоит стать парой. Начните с малого: на время ужина уберите телефоны в другую комнату, оба, его и ваш. И задайте мужу вопрос, ответа на который вы не знаете. После тридцати четырёх лет такие вопросы тоже есть, просто их перестали задавать. Не ждите многого от первого ужина.

Ваша Нина Ветрова

Глава 3
Подарок

Первый год мы отмечали каждое двадцатое число. Покупали бутылку «Советского шампанского» и пили его на подоконнике в коммуналке, потому что на табуретке помещался один. Потом родился Тимофей, и двадцатые числа стали обычными.

Подоконник был широкий и выходил на Лиговский. Андрей открывал бутылку медленно, придерживая пробку ладонью, чтобы не стрельнуло: за стенкой спала соседка с тетрадкой. Пили из одной чашки, вторую мы разбили ещё в декабре, на свадьбе. Зимой бутылка охлаждалась за окном, в авоське, летом мы пили тёплое. Говорили о том, сколько у нас будет детей. Андрей говорил «двое», я говорила «посмотрим». Вышло четверо.

Вспомнила я про двадцатые числа в четверг, на балконе. Я вышла туда за прищепками и села на табуретку с Лиговского, сдвинув Андреевы кроссовки. Табуретка была та самая, только покрашенная уже в третий раз. Минут десять я сидела на ней в халате, на сквозняке, и смотрела, как соседка с третьего выгуливает во дворе шпица в комбинезоне. Двадцатое выпадало на субботу. Я посчитала на калькуляторе: триста пятьдесят седьмое двадцатое число с нашей свадьбы.

В пятницу я позвонила в грузинский ресторан у Никит-

ских ворот и заказала столик на субботу, двадцатое сентября, на семь. В этом ресторане мы отмечали десять лет свадьбы. Тогда там пел мужской хор, теперь играет плейлист.

— У вас какой-то повод? — спросила девушка-администратор. — Мы можем подготовить комплимент от шефа.

— Двадцатое число у нас, — сказала я.

Девушка подождала продолжения и что-то записала. Я подумала, что она записала «юбилей». Пусть.

Андрею я написала: «Суббота, 19:00, Никитские. Только мы». Он ответил через минуту: «Ок». Ещё через десять минут пришло второе сообщение: «В календарь поставил».

К вечеру я готовилась как к эфиру и написала себе карточку с тезисами. Первый пункт: «Вспомнить 2005-й». Второй: «Сказать про тишину». Третий я зачеркнула, потому что он звучал как претензия, хотя был длиннее первых двух вместе. Карточку положила в сумочку, рядом с помадой.

Про 2005-й я помнила хор и то, что Андрей весь вечер держал меня под столом за руку, хотя резать мясо одной рукой ему было неудобно и он ел остывшее. Об этом я и собиралась ему напомнить, но как начать, не знала, поэтому на карточке стояло только «Вспомнить».

В субботу я надела тёмно-синее платье, которое Андрей однажды назвал «нормальным». С тех пор оно висит в шкафу отдельно, в чехле.

В ресторан я приехала без десяти семь. Девушка-администратор узнала меня по голосу, ещё до фамилии, и проводи-

ла к столику у окна, тому самому или похожему. Там, где когда-то стоял хор, теперь висела колонка, обтянутая серой тканью. Из колонки пели по-грузински, тихо и без людей.

Официант был немолодой, с усами. Я спросила его про хор.

— Хор ушёл в пятнадцатом году, — сказал он. — Руководитель умер, а без него они петь не захотели. Двое теперь работают у нас на кухне.

Он принёс мне воды и ушёл, а я ещё какое-то время смотрела на кухонную дверь.

Около половины седьмого Андрей написал: «Выезжаю». Чуть позже: «Пробка на Тверской, буду ровно».

Андрей пришёл ровно в семь, с коробкой и в свитере, который я ему подарила. Свитер был колючий, и Андрей надевал его только при мне.

— Это тебе, — сказал он. — Просто так.

В коробке был телефон. Новый, последней модели, на терабайт.

— Твой же тормозил, я видел, — сказал Андрей. — Я ночью всё перекинул, и фотки, и заметки твои. Пароли тоже. Ты проверь, вдруг что не так.

Я включила. На заставке стояла та же фотография, что на старом: близнецам по пять лет, оба в моих солнечных очках. Все контакты были на месте, все двадцать семь тысяч фотографий тоже. Андрей даже расставил приложения в том порядке, как у меня, а этот порядок я сама не всегда помню.

Я вспомнила, что в среду он сидел в кабинете до двух. Я думала, у него отчёт.

Заметки тоже были на месте. Списки продуктов, тезисы к эфирам, телефон мастера по ремонту обуви и заметка «Книга» из двух строчек. Читал ли он их? Скорее всего, нет. Андрей переносит, не читая, как возит рыбу: ему важна температура, сорт его не касается.

Инструментальная забота, сказала бы я в эфире: любовь через дела. Андрей мог бы защитить по ней докторскую. Я поцеловала его, сказала «спасибо» и положила телефон экраном вниз.

Старый лежал у меня в сумочке. Он не тормозил. Он был мой, с трещиной в левом углу, которую я находила пальцем, не глядя.

Подошёл официант. Андрей, не открывая меню, заказал хачапури на двоих и два харчо, как в прошлый раз и в позапрошлый. Вино он выбрал по второй строчке снизу. По второй строчке снизу он выбирает и страховку.

Пока несли хачапури, Андрей докладывал про детей.

— В Казани воду дали в понедельник, — сказал он. — Я звонил коменданту.

— Подожди. Ты что, звонил коменданту общежития?

— А кому ещё. У него брат в Набережных Челнах держит склад, я ему одну вещь подсказал.

Мальчики об этом звонке не знали. Гриша, если бы узнал, обиделся бы на отца, а Миша рассказал бы всему общежи-

тию и гордился.

— Ролик твой хороший был, — сказал Андрей. — Про гнездо. Мне Тимофей прислал.

— Ты правда до конца досмотрел? Сам?

— Досмотрел. Нормально говоришь.

— А носок ты там видел?

— Какой носок?

Я сказала, что никакой. Андрей долил мне вина до половины бокала.

— А помнишь, здесь хор пел? — спросила я. Пункт первый. — Мужской, вон там стояли, у стенки.

— Помню. Ты плакала на «Сулико».

— Я не плакала.

— Плакала. Я тебе салфетку дал, а ты потом этой салфеткой вытирала вино с моей рубашки.

Этого я не помнила, и мне впервые за вечер показалось, что он получится.

— А что ещё ты помнишь? — спросила я. — Ну, про тот вечер.

Андрей поскрёб ногтем скатерть.

— Ты заказала на десерт чурчхелу и не стала есть, потому что она похожа на свечку. Официант унёс её обратно и обиделся.

Чурчхела правда похожа на свечку. Этого я тоже не помнила. Пункт первый Андрей закрыл за меня.

Про руку под столом я говорить не стала. Его рука лежала

на скатерти, рядом с телефоном, и иногда постукивала по нему пальцем.

— Андрей, — сказала я. Пункт второй. — У нас дома стало очень тихо.

— Да, непривычно, — сказал он. — Зато можно наконец сделать ремонт в детской. Там обои с девятого года.

— Андрей, я же не про обои сейчас.

Тут у него зазвонил телефон. Он глянул на экран и сказал: «Новосибирск».

В Новосибирске встал компрессор. Температура в камере поднялась до минус двенадцати, а в камере лежало четыреста тонн минтая. Андрей ушёл говорить на улицу. Я видела его в окно: он ходил под фонарём туда и обратно, одну руку держал в кармане. Так он ходил по коридору роддома, когда рождался Тимофей, мне потом рассказала акушерка. От угла до водосточной трубы было четырнадцать шагов, я посчитала и на шестом круге сбилась.

За соседним столом отмечали день рождения. Женщине исполнялось семьдесят, это было видно по цифрам на торте. Тосты говорил её муж, долго, с паузами и с подробностями, и после каждого она поправляла ему воротник. Гости ждали, когда можно будет пить. Женщина никуда не торопилась. Когда муж наконец сел, она положила ему на тарелку кусок торта, тот, где была семёрка.

Хачапури остывал. Я съела свою половину, потом подумала и съела край от его половины. Подошёл официант.

— Мужчине вашему упаковать? — спросил он. — Остынет же совсем.

— Нет-нет, он вернётся. Это у него по работе, — сказала я.

Официант посмотрел в окно, на фонарь, и понимающе кивнул. Мне не понравилось, что понимающе.

Я перевернула новый телефон и долистала фотографии до декабря две тысячи пятого года. Из этого ресторана нашлось три снимка, все смазанные, и лучше всех на них вышел хор, а дальше шли мой локоть и Андрей, который смотрит мимо камеры, куда-то за кадр.

Заметка «Книга» была там же, где всегда. Первая строчка: «Табуретка». Вторая: «Спросить А., что он помнит про первый год». Строчке было два с половиной года, и спрашивать я так и не собралась. Я закрыла заметку и перевернула телефон обратно.

Андрей вернулся через двадцать минут, сел и потёр лицо.

— Прости. Минус двенадцать, это серьёзно. Сто восемьдесят тонн перекинули в соседнюю камеру, остальное держим. Утром придёт бригада из Омска. Где мы остановились?

— На обоях. На обоях мы остановились.

— Да. Я найду дизайнера. Ты не волнуйся, сама ничего не делай. Там надо будет проводку посмотреть, розетки у мальчиков все в одном углу. И пол. Пол я давно хотел.

Он говорил про пол с удовольствием и рисовал пальцем на скатерти план детской: окно, две кровати, угол с розетками.

Я знала эту комнату лучше, чем он, но план у него получался правильный.

— Только крючок Мишин ты оставь, ладно? — сказала я.

— Какой крючок?

— Ну, для гитары. Над кроватью, где гитара висела.

— Новый повесим, — сказал Андрей. — Нормальный, на дюбель.

Он доел свою половину хачапури, холодную и без края. Того, что края нет, он не заметил. Телефон он положил рядом с тарелкой экраном вверх и за десертом дважды его проверил. Оба раза там было пусто.

Карточку я так и не достала, хотя дважды открывала сумочку, за помадой и за салфеткой. Третий пункт всё равно был зачёркнут.

Комплимент от шефа всё-таки принесли: маленькое пирожное со свечкой.

— Мы что-то отмечаем? — спросил Андрей у свечки.

— Двадцатое, — сказала я.

Он подождал и задул свечку сам, потому что я не задувала. Пирожное он разрезал пополам ножом для масла и придвинул мне большую половину. Половины были одинаковые.

Счёт Андрей проверил по строчкам, как проверяет накладные, и оставил десять процентов. Пальто он подал мне в гардеробе и придержал, пока я искала второй рукав. Он всегда придерживает, пока я ищу рукав, тридцать лет придерживает, и это я как раз помнила.

На улице фонарь, под которым ходил Андрей, светил на пустой тротуар, и я постояла под ним, пока Андрей вызывал такси.

На Новом Арбате Андрей заснул у меня на плече, а на Садовом мы встали в пробку. Шея затекла через три минуты. Водитель поймал мой взгляд в зеркале.

— А я вас знаю, — сказал он вполголоса. — Жена смотрит, каждый понедельник.

Я показала глазами на Андрея, и водитель выключил радио. Телефон Андрея лежал у него на колене и один раз загорелся: «Новосибирск, всё ок, держим минус семнадцать». Андрей не проснулся. Я не шевелилась до самой Плющихи.

У подъезда он проснулся и сказал:

— Хороший вечер.

Я кивнула. Шея прошла только к понедельнику.

Вопрос психологу

Нина Андреевна, на пятидесятилетие муж подарил мне машину. Красную, как я мечтала в двадцать лет. Он поставил её у подъезда с бантом на крыше, соседи выходили фотографировать. Подруги завидуют. А я сижу в ней на парковке у дома и не хочу выходить, потому что дома он смотрит футбол, а в машине хотя бы играет радио. Я хочу, чтобы он меня обнял. Просто так, без повода. Как сказать

об этом и не выглядеть неблагодарной?

Марина, Екатеринбург

Отвечает Нина Ветрова

Марина, вы не неблагодарная. Ваш муж говорит с вами на языке поступков, и машина на этом языке значит очень много. Он долго выбирал её, я уверена, и долго ждал, когда вы выйдете к подъезду. Вам нужен другой язык, язык прикосновений, и вы имеете право о нём попросить. Скажите прямо и без упрёка: «Спасибо за машину. А ещё мне нужно, чтобы ты меня обнимал». Мужчины часто не догадываются о таких вещах сами, зато охотно учатся, если их не ругают.

Ваша Нина Ветрова

Глава 4
Скажи, что нужно

В субботу, четвёртого октября, я решила поговорить словами. Без ресторанов и без карточек. На кухне, в одиннадцать утра, когда Андрей пьёт второй кофе и ещё никуда не торопится.

После ресторана прошло две недели. Андрей нашёл дизайнера, как обещал, и прислал мне её телефон: «Позвони, когда удобно». Удобный момент так и не наступил, и телефон висел в переписке между его «Ок» и фотографией счётчика воды, которую он попросил меня снять для управляющей компании.

Во вторник Соня устроила съёмку «Ещё пяти вещей». Сама она была в Петербурге и командовала по видео, а я стояла в комнате близнецов под кольцевой лампой с её текстом на ноутбуке. Текст был хороший. Третьим пунктом шло: «Скажите вслух, что вам нужно. Не намёками, словами».

— Мам, тут пауза перед «словами», — сказала Соня. — И смотри в камеру, не в ноутбук.

Я сделала паузу и посмотрела в камеру. С первого дубля.

— Всё, идеально, — сказала Соня. — Ты у меня профи, я всегда говорила.

Потом она выключила запись и спросила уже обычным голосом:

— Мам, а тебе самой что нужно?

— Мне нужно, чтобы ты прислала монтаж до вечера.

— Ладно. Пришлю к шести, — сказала Соня и отключилась.

Ролик вышел в среду и набрал четыреста тысяч просмотров, втрое меньше гнезда. Под роликом написали: «Нина Андреевна, у вас это так легко звучит». Я поставила сердечко. Мишин носок в этот раз из-под кровати не торчал, я его к тому времени подняла.

Решила я через неделю, в ночь на среду. Андрей уснул, как всегда, сразу, и через минуту загудел холодильник. Андрей дышал ровно, с присвистом на выдохе. Я лежала и слушала их обоих. Холодильник через четыре минуты замолчал. Андрей нет.

Речь я готовила три дня. Клиенткам я говорю: не готовьте речь, говорите как есть. Свою я всё равно подготовила, потому что как есть у меня не получалось.

Начала я в среду за завтраком, про себя, глядя в чашку. Андрей спросил, чего я молчу, я сказала, что думаю о работе, и он вернулся к телефону. Я допила кофе и пошла в душ. В душе у меня всегда получается: кафель, хорошая акустика, и никто не перебивает. Я сказала кафелю, что мне одиноко. Кафель выслушал и ничего не предложил. Из душа я вышла очень довольная собой и до вечера ходила с мокрой головой, потому что фен гудел почти как холодильник.

В четверг ко мне на Чистые пруды пришла пара, пятая

сессия. Жена открыла в телефоне заметку и стала читать мужу текст, две страницы, с пунктами. Я попросила её сказать своими словами, прямо сейчас. Она сказала: «Мне надоело одной помнить про твою маму». Вышло короче и злее, и муж поднял голову. До этого он четыре с половиной сессии разглядывал свои ботинки. Он сказал, что тоже помнит про маму, просто ей не звонит. В карточку я записала: «Без бумажки лучше». В метро на обратном пути я поймала себя на том, что шевелю губами, и женщина напротив отодвинулась.

Днём в пятницу речь переехала в заметки, три абзаца. Все заметки в новый телефон переносил Андрей, и мне пришло в голову, что эту он может открыть первым, поэтому я назвала её «Покупки». Первый абзац был про подоконник на Лиговском. Второй про то, что теперь мы так не сидим. Третий я переписывала чаще всего, и к вечеру он стал похож на зачёркнутый пункт из ресторана.

В пятницу вечером я чуть не сказала всё в прихожей. Андрей снимал ботинки одной рукой, а другой держал телефон и говорил с Казанью про погрузчик. Он поднял палец: минуту. Минута была длинная. Когда он договорил, я уже включала на кухне чайник, и момент ушёл вместе со мной.

Ночью я перечитала «Покупки» два раза и выучила первую фразу наизусть. Остальное, решила я, пойдёт само. На эфире у меня всегда идёт само.

В субботу Андрей с утра уехал на Дорогомиловский рынок. Пока его не было, я переставила два стула так, как они

стоят у меня в кабинете: под углом, чтобы люди сидели не друг против друга. У нас на кухне восемь стульев, и если два из них стоят под углом, это видно от двери. Я поставила их обратно.

Андрей вернулся в половине одиннадцатого с пакетом гранатов, потому что гранаты сегодня были «правильные». Два граната сразу выкатились из пакета к сахарнице.

— Азербайджанские, — сказал он. — Продавец говорит, такие только до конца октября. Потом пойдут турецкие, а турецкие кислые.

Он сварил второй кофе и сел с планшетом на солнце, планшет у него бликовал.

Я села напротив. На подоконнике всё так же лежал опросник Бойко. Кофейное кольцо на «фазе истощения» за месяц обросло соседями: Андрей ставил туда чашку каждое утро, и теперь на листке их было штук десять, одно на другом, как годовые кольца на спиле. Я смотрела на них, пока Андрей не почувствовал и не поднял голову.

— Андрей, мне плохо, — сказала я.

Он сразу поставил чашку.

— Нинуль, что болит? Где?

— Ничего не болит.

— Давление мерила?

— Сто двадцать на восемьдесят.

Я мерила утром. Я всегда меряю, когда собираюсь сказать что-то важное, чтобы потом не думать, что это было давле-

ние.

— Так. А что тогда значит «плохо»?

— Ну… тихо у нас, Андрей. Ты понимаешь? Я прихожу, а тут холодильник гудит. Я его тридцать лет не слышала. Теперь слышу, каждые двадцать минут, я засекала. Мы ужинаем, как соседи по купе, вежливо так: передай хлеб, спасибо. Я с тобой разговариваю, а ты с отчётом. Я не жалуюсь, я… Ну вот, видишь, я уже как в эфире.

Андрей слушал внимательно и не перебивал. Так он слушает финансового директора, когда тот докладывает про дебиторку.

— Как соседи по купе, — повторил он, когда я замолчала. — Ну, в купе нормально. В купе хорошо едут.

— Андрей, это метафора.

Я сказала это голосом, каким объясняю в эфире разницу между «одиноко» и «одна». Андрей знает этот голос по записям, которые не смотрит.

— Я понял, что метафора. Я говорю, что купе нормально.

— Месяц назад я рассказывала тебе про пару, которая поругалась из-за блендера, — сказала я. — Ты спросил, какой фирмы.

— Ну да. Если «Бош», нормальный.

— Да я не о блендере, Андрей.

— Я слушаю, Нин.

Он слушал. Если бы он не слушал, мне было бы на что обидеться.

— И давно это у тебя? — спросил он. — С какого времени?

— С сентября, наверное. Не знаю. Может, и раньше, я не замечала.

— Когда мальчики уехали, — сказал Андрей с облегчением. — Ну вот. Это пройдёт, привыкнем. Мне тоже без них странно, я в субботу два раза в детскую заходил.

Он заходил в детскую. Он мне об этом не говорил, и я не знала, что с этим делать, поэтому сказала, что мальчики тут ни при чём, хотя правды в этом было ровно половина.

— Ты хочешь, чтобы я меньше работал?

— Да при чём тут работа, Андрей. Работай сколько хочешь.

— Может, ты просто устала? Съезди куда-нибудь, отдохни. Я оплачу.

— Да не устала я, — сказала я. — Что ты сразу «устала»?

Опросник лежал в метре от его локтя.

— Тогда я не понимаю.

Он правда не понимал. Это было видно по рукам: он взял из пакета гранат и стал катать его по столу ладонью, туда и обратно.

Тогда я заговорила профессионально. Это была ошибка. Я сказала, что между нами давно нет контакта, есть только функционирование, и что мы хорошие партнёры по проекту «семья» и плохие собеседники. Я говорила хорошо, с паузами, и если бы кто-то записывал, получился бы неплохой

фрагмент эфира.

— Функционирование, — повторил Андрей. Он всегда повторяет слова, которые собирается потом проверить.

Первую фразу из «Покупок» я так и не сказала. Она была про другое и начиналась со слов «я помню».

Андрей дослушал и долго молчал, придерживая гранат ладонью. Лицо у него было такое, с каким он читает договор, написанный чужими юристами.

— Нин, — сказал он наконец. — Я правда хочу помочь. Скажи, что нужно. Я сделаю.

Я открыла рот и ничего не сказала. За спиной включился холодильник и загудел на всю кухню. Андрей не обернулся.

Мне нужно, чтобы ты спросил, о чём я думаю, и не стал сразу решать. Мне нужно, чтобы ты хоть раз меня захотел так, как хотел контракт с «Магнитом». Ни одна из этих фраз не годилась вслух. Первая звучала как претензия. Вторую я бы не простила себе сама.

Контракт с «Магнитом» Андрей подписал в двадцать втором году. Он ездил на переговоры семь раз и каждый раз возвращался с таким лицом, что я спрашивала, не заболел ли он. Он не болел. Он хотел.

— Я не знаю, — сказала я. — Правда не знаю.

Андрей не обиделся. Задачи без условия ему тоже встречаются, и он знает, что с ними делать: надо зафиксировать хоть что-то.

Он отпустил гранат, и тот докатился до сахарницы. Ан-

дрей сложил руки на столе, как на совещании перед словами «предлагаю так».

— Давай так, — сказал он. — Раз в неделю вечер только для нас. Без телефонов. Четверг подходит?

— Подходит. У меня по четвергам вечером никого.

— В восемь. Я в семь пятьдесят буду дома.

— А ты успеешь? С твоими-то складами?

— Поставлю, — сказал Андрей. У него это значит «успею».

— Дома или сходим куда? — Андрей уже тянулся к телефону. — Можно заказать, из того грузинского…

— Да ну, заказать. Я сама приготовлю.

— А что готовить будешь?

— Утку.

— Утку, — повторил Андрей. По лицу было видно, что утку он тоже проверит. — Хорошо. Тогда с меня вино.

Кофе у него остыл. Андрей поморщился, но допил.

Потом взял телефон, что-то нажал и положил обратно. Через секунду мой телефон, новый, на терабайт, вздрогнул на столе.

«Андрей Ветров приглашает вас на мероприятие: Вечер для нас. Каждый четверг с 20:00 до 22:00».

Цвет у мероприятия был зелёный. У Андрея в календаре зелёным отмечено всё важное и регулярное, совет директоров и техосмотр. Мой день рождения у него тоже зелёный, я однажды видела.

Под приглашением были две кнопки: «Принять» и «Отклонить». Я посмотрела на Андрея. Он смотрел на меня с надеждой, как будто сдал отчёт раньше срока.

Я нажала «Принять».

Вопрос психологу

Нина Андреевна, вы часто говорите: скажите мужу, чего вам не хватает. А если я сама не знаю? Он спрашивает: «Чего ты хочешь?», а у меня в голове пусто, только обида. В прошлом году он записал меня на курсы, любые, на выбор, лишь бы мне было хорошо. Я выбрала гончарные и сходила два раза. Чашка вышла кривая. Он пьёт из неё каждое утро и говорит, что удобная. Он хороший, он правда старается. Наверное, со мной что-то не так.

Ольга, Самара

Отвечает Нина Ветрова

Ольга, с вами всё так. Многие женщины годами отвечают за потребности всей семьи и разучиваются слышать собственные. Попробуйте неделю записывать каждый вечер одну фразу: «Сегодня мне хотелось…». Без оценки, без выводов. Через неделю перечитайте. Скорее всего, ответ уже будет там, и его можно будет показать мужу. А чашку не выбрасывайте.

Ваша Нина Ветрова

Глава 5
Окна на запад (Андрей)

Будильник Андрей поставил на 4:50 и выключил в 4:49, чтобы не звенел. Нина спала на правом боку, лицом к стене. Одеяло у неё сползло, и он поправил его, не включая свет.

Такси до Шереметьева, место 6А. Сосед в 6В смотрел фильм без звука и смеялся вслух. Кофе в аэропорту стоил триста девяносто рублей, сумма ушла в таблицу. В самолёте Андрей открыл сводку по складам за сентябрь. Заполняемость по сети восемьдесят семь процентов. Новосибирск после компрессора просел до семидесяти одного: пока камера стояла, двое клиентов увезли товар к конкурентам. Новосибирск он пометил красным, ноутбук закрыл на снижении, когда попросили, ни минутой раньше.

В Пулкове было плюс шесть и моросило. В прокате дали серую «Камри». Он обошёл её и сфотографировал с четырёх сторон: царапина на заднем бампере, скол на лобовом. Девушка за стойкой сказала, что у них всё записано. Он всё равно снял и заодно проверил запаску.

Нине он с вечера сказал только, что улетает рано. Склад в Петербурге у него был, на Софийской. Туда он не заезжал, и директор склада не знал, что Андрей в городе. Так было правильно: узнай он, весь день ждал бы проверки и красил разметку.

У Парнаса его обогнала фура с логотипом его же компании, синие буквы на белом. По номеру он вспомнил водителя: из Саратова, второй год у них, ни одной претензии по температуре. Дальше Приозерское шоссе, Орехово, Сосново. После Сосново сосен стало больше, заправок меньше. Шёл он на девятнадцать километров в час быстрее разрешённого, потому что за двадцать уже штрафуют.

До участка было сто сорок семь километров, навигатор обещал два двадцать, вышло два десять. Участок он купил в сентябре двадцать третьего, на западном берегу Ладоги, в трёхстах метрах от воды. С тех пор прилетал раз в месяц, и Нина думала, что раз в месяц у него проверка на Софийской. Это был двадцать пятый прилёт. Билеты, прокат, бензин и кофе на заправке шли в отдельную таблицу, в среднем тридцать одна тысяча за поездку. Таблица называлась «Ладога». В рабочем ноутбуке её не было.

Участков он посмотрел одиннадцать и взял двенадцатый. Тридцать соток, сосны, спуск к воде и старый сарай от прежних хозяев, который прораб каждую весну обещал разобрать.

Прораба звали Сергеич. Имени Андрей не знал. Спрашивать через два года было поздно. Сергеич ждал у ворот в резиновых сапогах и с папкой.

— Окна пришли, Андрей Палыч, — сказал он. — В понедельник ставим. Только я опять про гостиную, вы уж не обижайтесь.

— Опять, — согласился Андрей.

— Ну смотрите. Озеро у вас с востока. Делайте окна на озеро, все так делают.

— На запад.

— Да там же лес, Андрей Палыч. Лес и лес. Я тридцать домов на Ладоге поставил, и никто ещё окна в лес не просил, ей-богу.

— Над лесом солнце садится.

Сергеич глянул на него, как глядят на заказчика, который хочет розовую крышу.

— Жена любит закаты, — сказал Андрей.

Вслух он сказал это впервые. Сергеич сразу перестал спорить. На слово «жена» прорабы реагируют так же, как на слово «наличные».

— А жена-то проект видела?

— Нет.

— Сюрприз, значит. Я своей тоже раз сюрприз сделал. Баню. Она в ней теперь рассаду держит.

Андрей запомнил: рассада.

— Кухню какую ставим? Мне её в ноябре заказывать, а то к сдаче не придёт.

— Светлую. Как у нас дома.

— А дома какая? Светлая, она ж разная бывает.

Дома кухня была светлая. Больше он ничего про неё сказать не мог, хотя прожил с ней девятнадцать лет, и пообещал прислать фото.

Дом был из клеёного бруса, два этажа, сто восемьдесят шесть метров. Наверху три спальни; какая кому, он собирался решать вместе с Ниной. Их спальня внизу смотрела на восток, на озеро, чтобы было как у людей. На запад выходила только гостиная. Пахло деревом и грунтовкой. Окна стояли на поддонах в заводской упаковке. Семь, по спецификации семь. Проёмы пока затянули полиэтиленом. Андрей встал в средний и посмотрел на запад. Над соснами висело серое октябрьское небо, но он знал, каким оно будет в декабре, в четвёртом часу. Двадцатого декабря солнце садится в 15:42, он проверял по таблицам.

Вдоль западной стены шла терраса, двенадцать метров на четыре, пока без перил. Здесь будет скамейка, длину он ещё не решил. Солнце сядет чуть левее высокой сосны с обломанной верхушкой. Сосну он попросил не трогать ещё в первый приезд, и Сергеич тогда записал: «Сосну оставить». Теперь вокруг неё лежали доски.

В котельной электрик запускал отопление. Давление полтора. Электрик сказал, что держит; через час Андрей зашёл проверить, держало. Электрик спросил, будут ли хозяева жить тут зимой. Андрей сказал: будут.

— Счёт за окна, — Сергеич открыл папку. — Четыре миллиона двести. Плюс монтаж.

Подписал он на колене, ручкой с логотипом строительного магазина. Обе цифры, и окна, и триста сорок за монтаж, он знал заранее. Сергеич убрал счёт в папку, ручку сунул за

ухо и оглядел дом, пустые проёмы под плёнкой.

— А сдача когда?

— Двадцатого декабря.

— Не успеем. Ну не успеем же.

— Успеем. Это годовщина.

Сергеич записал в папку: «20.12. Годовщина». И подчеркнул двумя чертами.

— Окна, кухня, второй этаж, терраса, ступени, — он загибал пальцы. — Это три месяца.

— Два месяца и десять дней.

Сергеич подумал над своими пальцами и один разогнул обратно.

До двух мерили рулеткой спуск к воде. Сергеич предлагал тридцать ступеней, покруче. Андрей насчитал сорок две, пологих. На тридцати Нина обратно не поднимется, у неё колено. Об этом он говорить не стал, сказал: сорок две, по уму.

Позвонил финансовый директор, про дебиторку по Самаре. Отвечал Андрей, стоя в проёме гостиной спиной к лесу. Полиэтилен хлопал на ветру.

— Андрей Павлович, что у вас там шумит? Вы на улице?

— Ветер, — сказал Андрей и попросил дожать Самару до пятнадцатого.

К воде вела тропинка между соснами, мимо сарая. Ладога была серая, с короткой волной, другого берега видно не было. Он присел и опустил руку в воду. Градусов девять. Температуру он определял рукой с точностью до градуса, это от

складов. Наверх пошёл, считая шаги, и насчитал четыреста двенадцать.

Бригада, четыре человека из Приозерска, обедала в вагончике. Сергеич принёс ему гороховый суп в крышке от термоса. Андрей съел стоя и сказал, что вкусно. Сергеич сказал, что жена варила. Андрей кивнул, и больше про жён в тот день не говорили.

Пока ел, проверил трекинг. Обогреватель для близнецов, заказанный вчера за ужином, стоял в Подольске, срок доставки сдвинули на девятнадцатое ноября. В Подольске у Андрея был свой склад, на тридцать тысяч паллетомест. Посылка стояла на чужом.

Уехал он в половине третьего: по пятницам после обеда на Приозерском встаёт трасса. Сергеич проводил машину до поворота и махнул папкой.

— Андрей Палыч! Фото кухни не забудьте, слышите?

В дороге Андрей думал про четверги. Четверг пока был один, вчерашний, девятого октября. Нина приготовила утку, говорили про Тимофея и про холод в казанском общежитии. Обогреватель он заказал прямо за столом, это было нарушение, но короткое. Нина один раз засмеялась. Четвергу он поставил четыре из пяти: для первой итерации хорошо, а балл снял с себя, за обогреватель. Пятёрки он ставил редко. Последнюю получил склад в Казани в девятнадцатом году, открытый на две недели раньше срока.

Что он скажет Нине двадцатого, он не знал. Говорить он

не умел, это про себя знал давно, и решил подумать в ноябре, когда встанут окна.

На въезде в Сосново зазвонил телефон. «Нина». На этом участке стояла камера, а гарнитуры в прокатной машине не было. Перезвонил он через восемь минут с заправки. Кассирша смотрела сериал в телефоне и прикрутила звук, когда он вошёл.

— Ты где? — спросила Нина.

— В Питере. По складу.

Это была первая ложь за тридцать лет, сказанная вслух. Про Софийскую Нина два года думала сама, он только не поправлял. Андрей проверил по памяти. В девяносто восьмом, в дефолт, был ещё случай с деньгами, но тогда он промолчал и через неделю сказал сам. Значит, первая.

— Как там погода?

— Серо. Солнца нет.

— Понятно.

— Что-то нужно?

— Да нет. Просто так позвонила.

Он постоял у машины, пока она не отключилась. Отключилась она не сразу: секунды три в трубке было слышно, как у них на кухне гудит что-то ровное, а что, он не разобрал.

На заправке он купил кофе в бумажном стакане и шоколадку «Алёнка». Нина такую любила в девяностых. Шоколадка легла во внутренний карман.

Машину он сдал с полным баком, хотя договор этого не

требовал. Девушка за стойкой была та же. На царапину она даже не взглянула, и он на всякий случай показал ей фотографию. «Да-да, я помню».

В зале ожидания он пересмотрел снимки за день. Двадцать три штуки: проёмы под полиэтиленом, манометр, сосна, счёт с его подписью. Людей не было ни на одном. Шесть он удалил, остальные перенёс в папку «Ладога». В самолёте заснул сразу после взлёта, сидя, с ровной спиной, и проснулся за пять минут до посадки. Так он просыпался всегда. Будильник ему нужен был только для того, чтобы выключить его заранее.

Дома он был после десяти. Нина уже легла. Над плитой горела лампа, она всегда оставляла её, когда он задерживался. Он достал из кармана «Алёнку». Шоколадка растаяла и стала плоской. Он положил её в холодильник, на полку с кефиром, обёрткой вверх, чтобы девочку было видно.

На подоконнике лежал Нинин листок, на нём стояла его утренняя чашка. Чашку он сполоснул, листок оставил где был: Нинины бумаги он не читал, у неё на всём записи. Кухню сфотографировал с трёх сторон, при верхнем свете, и отправил Сергеичу. Сергеич не спал. «Понял. Светлая».

Перед сном Андрей открыл календарь и поставил на двадцатое декабря событие. Назвал «Ладога». Цвет выбрал зелёный.

Вопрос психологу

Нина Андреевна, пишет вам мужчина, извините. Жена говорит, что ей чего-то не хватает. Я спрашиваю: чего? Она не может сказать. Я делаю всё: дом, дача, отпуск два раза в год, цветы на праздники. В прошлом году поменял ей машину, цвет она выбирала сама. Не пью, не гуляю. Что ещё? Может быть, вы скажете, раз она не может.

Виктор, Пермь

Отвечает Нина Ветрова

Виктор, спасибо, что написали. Мужчины пишут в рубрику редко, и это уже говорит о том, как вы стараетесь. Иногда женщине важнее всего, как вы рядом, пока всё это делаете. Попробуйте один вечер ничего не делать для неё. Просто сядьте рядом и спросите, как прошёл её день. И дослушайте до конца, не предлагая решений, даже если решение покажется вам очевидным.

Ваша Нина Ветрова

Глава 6
Тридцать лет вместе

К концу октября у нас было три четверга.

В первый я запекла утку. Один бок вышел сухим: духовка у нас греет левой стенкой, я знаю это пятнадцать лет и каждый раз забываю. Андрей взял себе сухой бок и сказал, что так даже лучше, корочка. Один раз я засмеялась. Над чем, не помню. Андрей, наверное, помнит.

Во второй мы смотрели фильм, который Андрей выбрал по рейтингу. Восемь и три, два часа сорок минут, про войну. На двадцатой минуте он уснул сидя, с пультом в руке. Я досмотрела до конца, чтобы рассказать ему, чем кончилось. Рассказывать не пришлось. Пульт я вынула у него из руки после титров, разгибая по одному пальцу, как когда-то вынимала машинки у спящих близнецов.

В третий мы гуляли по Девичьему полю. Андрей держал меня за руку надёжно, как держат поручень в метро. На втором круге он сказал, что листья в этом году облетели на неделю раньше, чем в прошлом: он сверялся с фотографиями, которые каждое первое число делает из окна офиса. Я не знала, что он их делает. Спросить зачем я не успела. Мы дошли до перехода, и он отпустил мою руку, чтобы посмотреть на светофор.

Он не пропустил ни одного четверга. Приходил без десяти

восемь, переодевался и ровно в восемь садился напротив. Я видела, что ему это даётся трудно. Без пары минут десять он начинал коситься на подоконник, где лежал телефон, но до десяти не брал. В десять брал и сразу открывал почту.

Клиенткам я говорю, что регулярность важнее яркости. Теперь у меня была идеальная регулярность, зелёная, по четвергам, и после неё я лежала без сна до трёх. Андрей засыпал через четыре минуты. Я считала, сколько раз за ночь включается холодильник. Выходило от девяти до одиннадцати, смотря по погоде. К понедельнику Лиля перестала спрашивать, спала ли я, и молча доставала второй консилер.

В среду, двадцать второго, Эдуард позвал меня после планёрки в свой стеклянный кабинет, где все видят, кого он туда позвал. Сел, как всегда, на край стола, и стол под ним скрипнул.

— Нина Андреевна, садитесь. Слушайте, у вас же двадцатого декабря тридцать лет свадьбы! Откуда знаю? Так у вас в книге, на двадцать третьей странице, я читал, между прочим.

Эдуард прочитал мою книгу. Это тронуло меня больше, чем следовало. Андрей ту же книгу читал с закладкой, и закладку я нашла через два года, когда мы двигали шкаф. На девяносто шестой странице.

— Делаем спецвыпуск, — сказал Эдуард и потёр руки. — «Ветровы: тридцать лет вместе». Эфир двадцатого, прямо в ваш день, вы понимаете, какой заход? Снимаем у вас дома: кухня, фотоальбомы, как познакомились, секрет долго-

го брака. Рейтинг будет космос, Нина Андреевна, я вам говорю. Андрей Павлович согласится? Он у вас как, в кадре держится?

Андрей согласился сразу. Я позвонила ему из коридора, от кулера. Он сказал: «Хорошо. Для компании полезно», спросил, сколько это займёт, и поставил полдня в календарь.

Соне я написала вечером. Через двадцать минут пришёл список из десяти пунктов, что убрать из кадра. Первыми шли мои тапочки. Пятыми очки для чтения, «со всех поверхностей», а у меня их четыре пары, по одной на каждую комнату, где я читаю. Десятым был «папин ноутбук, а то сразу всё понятно». Над десятым пунктом я сидела дольше, чем над остальными девятью, и ноутбук тоже убрала, в ящик под духовкой.

Вопросы Эдуард прислал в четверг, двенадцать штук. Андрей распечатал их в офисе и в пятницу вечером сел с ними за стол, с карандашом. Я мыла плиту и видела, как он пишет на полях. Напротив «Что вас привлекло в Нине?» он написал мелко: «Говорила». Я прочитала через его плечо. Хорошо это или плохо, по почерку было не понять. Напротив «Был ли момент, когда вы хотели всё бросить?» он поставил прочерк, подумал и стёр его ластиком на обратном конце карандаша.

— Ты что, учишь? — спросила я.

— Готовлюсь. Там двенадцать вопросов. На полдня это мало.

Снимали в субботу, двадцать пятого. Группа пришла в де-

сять: оператор, звукорежиссёр, Лиля с гримом и Эдуард с пакетом круассанов. Кухню переставили так, чтобы в кадр попадал холодильник с магнитами из всех наших поездок. Магниты Эдуард велел перевесить, чтобы Мальдивы были на уровне глаз. Тула и Новосибирск уехали вниз, к морозилке.

Лиля посадила Андрея на табуретку у окна и взялась за пудру.

— Это обязательно?

— Обязательно, Андрей Павлович. Вы бликуете, у вас лоб под этим светом как фара. Глаза закройте.

Он закрыл и так и терпел до конца, не шевелясь.

Звукорежиссёр прицепил ему на свитер петличку и попросил сказать что-нибудь для уровня. Андрей сказал: «Раз, два. Минус восемнадцать».

Листок с вопросами остался в кабинете, и за весь день Андрей за ним не сходил. В кадре он был прекрасен, такого я от него никак не ждала. Он рассказал, что познакомились мы в девяносто четвёртом, на дне рождения общего друга, в ресторане на Петроградской.

— Она весь вечер со мной спорила, — сказал Андрей. — Про Фрейда. А я не знал, кто это такой, честно. Сидел и кивал, думал, с ней лучше кивать.

Он рассказал, как провожал меня до Пушкарской пешком, потому что метро закрылось, а денег на такси не было, и вдруг добавил, уже от себя, без вопроса:

— Свитер на ней был бордовый, с горлом. Она в нём всю

дорогу шею чесала.

Свитера я не помнила. Шею, кажется, помнила.

— Я тогда решил, — сказал он в камеру, — что если она столько говорит, значит, ей нужен кто-то, кто будет слушать.

Эдуард за камерой показал большой палец.

Я слушала и улыбалась. Улыбаться я умею, девять сезонов улыбаюсь в нужную камеру с нужной стороны. Выдавали меня руки. На третьем дубле я заметила, что держу Андрея за руку так крепко, что у него побелели пальцы. Как будто он мог уйти из кадра.

— Нина Андреевна, расслабьте руку, — сказал оператор. — Бликует кольцо.

В перерыве Андрей спросил Эдуарда, сколько человек в выборке рейтинга и сколько стоит минута рекламы в спецвыпуске, и Эдуард зауважал его, как коллегу. Они обменялись телефонами. Лиля у плиты сказала мне тихо:

— Вы его в эфир не пускайте. Уведут.

После перерыва снимали альбомы. Нас посадили плечо к плечу и велели листать медленно, чтобы пальцы были в кадре. На шестой странице кожаного альбома нашлась фотография из коммуналки на Лиговском: мы на подоконнике, у Андрея бутылка «Советского шампанского», у меня химическая завивка, за которую мне стыдно до сих пор. Эдуард сказал: «Стоп. Это берём». Андрей долго смотрел на снимок и сообщил оператору, что подоконник был метр десять в ширину. Он мерил, когда ставил на него телевизор.

Под конец Эдуард вышел из-за камеры.

— Ну и главное, Нина Андреевна, Андрей Павлович. Секрет. В чём секрет тридцати лет? Одной фразой, ладно? Чтобы на анонс.

Андрей посмотрел на меня. Я посмотрела в камеру. Камера смотрела на меня с удачной стороны.

— Сначала сделай всё, — сказала я.

— А потом, Нина Андреевна? — спросил Эдуард.

— А потом ещё немного, — сказал Андрей и засмеялся. Запомнил из эфира. Значит, хоть один эфир он всё-таки видел.

Группа ушла в шесть. Андрей в прихожей застегнул куртку до самого горла.

— Полдня у нас вышло восемь часов, — сказал он. — Я в офис съезжу, раз суббота всё равно сломана.

Когда за ним закрылась дверь, я съела над раковиной два круассана, один за другим, и вымыла пол там, где стоял штатив. На линолеуме остались три вдавленные точки, которые так и не отмылись.

Ночью без Андрея кровать стала шире ровно на его половину. Я лежала на своей и на его не переходила, хотя могла. Во втором часу я взяла с тумбочки телефон, открыла почту и начала писать, в темноте, двумя большими пальцами. В два перебралась за кухонный стол. Есть такое упражнение, «письмо, которое не отправляют»: пишешь человеку всё, что не можешь сказать вслух. Дальше письмо рвут, сжигают или

удаляют. Главное правило в названии.

Писала я про утку, про фильм, про поручень в метро. Про то, что в кадре он смотрел на меня так, как не смотрел дома лет десять, и я не знаю, кому из нас тогда верить, ему в кадре или ему дома. Про то, что мне пятьдесят пять и я боюсь, что дальше будет только регулярность. Последнюю фразу я переписала четыре раза. Осталась такая: «Я тебя люблю, и мне с тобой одиноко, и я не знаю, как эти две вещи помещаются в одном человеке».

Тему я не заполнила. Не знала, как такое называется.

Потом я нажала «Отправить».

Почему, не знаю. Объяснить я могу что угодно, у меня диплом и кандидатская. Кроме собственного пальца в два часа ночи.

Когда Андрей переносил мне всё в новый телефон, он включил в почте отчёты о доставке и прочтении, как у себя в офисе. Я узнала об этом в ту ночь. Под письмом стояло: «Доставлено, 2:14». Я легла и смотрела в потолок. Андрей, наверное, уже спал в офисе на диване, он там иногда остаётся. На кухне включился холодильник. Я не стала считать.

«Прочитано» появилось в 6:50.

Вопрос психологу

Нина Андреевна, у нас с мужем красивые фотографии.

Правда красивые, подруги ставят нам в пример. Море, юбилеи, дети. Я недавно пролистала альбом за десять лет и не смогла вспомнить, о чём мы говорили хоть в один из этих дней. Помню, какое было платье, какой торт, кто опоздал. Помню, что в Сочи у мужа сгорели плечи. А о чём мы разговаривали, не помню. Мне кажется, мы улыбались и молчали. Это нормально?

Алла, Краснодар

Отвечает Нина Ветрова

Алла, это очень частая история, и пугаться её не нужно. Её нужно обсудить. Фотографии сохраняют лица, разговоры уходят у всех. Покажите мужу этот альбом и спросите, что помнит он. Спросите про то, что было за минуту до снимка и через минуту после. Возможно, вы удивитесь: мужчины часто помнят то, о чём никогда не говорят.

Ваша Нина Ветрова

Глава 7
Ответ по пунктам

С семи утра я сидела на кухне и смотрела на телефон. Он лежал между сахарницей и вазочкой с сушками, экраном вверх. Я сварила кофе, выпила, сварила ещё.

Андрей ответил без двадцати десять, письмом на почту, как в офисе, с темой. Тема была «Re: (без темы)», потому что я свою не заполнила.

«Нина, прочитал. Спасибо, что написала. Я думал до утра, вот что получилось.

1. Четверги оставляем. По-моему, они работают.

2. Добавим субботу раз в месяц. Выбери, куда ходить, я подстроюсь.

3. В январе Мальдивы, десять дней, без детей. Бронирую сам, тебе ничего делать не надо.

4. Я тебя люблю. Это не пункт, просто чтобы было.

А.»

Я прочитала и засмеялась. Громко, одна на кухне, так что сама вздрогнула. Мне пятьдесят пять лет, я написала мужу письмо, которое правила четыре раза, а он ответил мне протоколом совещания. Пункт четвёртый вне повестки. Не хватало только строчки «Ответственный: А. Ветров. Срок: январь».

Потом я перечитала четвёртый пункт и перестала смеять-

ся.

В обед Андрей приехал из офиса. Поцеловал меня в висок, как всегда, и спросил, получила ли я письмо.

— Получила. Без двадцати десять.

— Нормально?

— Нормально.

Он выдохнул: ждал этого слова с утра.

— Ты спал вообще? Или так и просидел? — спросила я.

— Часа три, на диване. — Он помолчал. — Я в семь прочитал. И в восемь ещё раз.

В семь было «в 6:50». Андрей округлил, первый раз на моей памяти. Он был в том же свитере, что вчера на съёмке, только без петлички. У ворота остался след Лилиной пудры. Я не стала говорить.

За вчерашним супом он достал телефон, извинился и показал две фотографии.

— Смотри. Это над водой, это на песке. Над водой на треть дороже, зато там лесенка прямо в море. Тебе какой?

— Над водой, конечно. Раз лесенка.

— Я тоже так думал.

Через шесть минут бронь пришла мне на почту, с картой острова, где виллы над водой были нарисованы зелёными квадратиками. Пункт третий был закрыт. Про второй он вспомнил уже в прихожей, в ботинках.

— Нин, а в субботу ты куда хочешь? Ну, по второму пункту.

— Не знаю ещё. Я подумаю, ладно?

Он так и записал себе в телефон, что я подумаю.

Всю неделю я думала про четвёртый пункт. Что он правда, я не сомневалась ни минуты, и ровно так же не сомневалась, что первые три ничего не изменят, хоть повесь их на холодильник под магнит. На Мальдивах мы уже были, в девятнадцатом году. Три дня из десяти Андрей просидел в номере с ноутбуком, у него открывали склад в Казани. Я плавала одна с маской и в последний день увидела черепаху, большую, с рыбками на панцире. Андрей спросил только длину. Я сказала, около метра, и он сказал: «Солидно». Через год он рассказывал про неё детям, и в ней уже был метр двадцать.

В четверг в четыре пришли Гусевы. Света сразу достала из сумки листок, сложенный вчетверо.

— Вот. Я ему сказала, что мне не хватает внимания. Он мне ответил. Письменно.

Олег смотрел в окно. На листке его почерком было написано: «1. Звонить в обед. 2. Не смотреть футбол при маме. 3. Шарф».

— Что значит «шарф»? — спросила я.

— Он сам знает, — сказала Света.

Олег покраснел до ушей. В карточке я записала: «Попытка структурировать заботу» и подумала над этой строчкой. Рядом приписала: «Работает?», с вопросительным знаком. Света всю сессию держала Олега за рукав.

Вечером был четвёртый четверг. Мы ели рыбу.

— В Новосибирск компрессор везём, новый, — сказал Андрей. — Немецкий, но через Турцию, параллельным импортом. Сейчас всё так. Три недели, пока довезут и поставят.

Я рассказала про Гусевых, без фамилии и без листка. Без двух десять он покосился на телефон.

В пятницу позвонила Жанна. Голосом, которым говорят «мы немного волнуемся».

— Нина Андреевна, до сдачи месяц. Может быть, пришлёте хотя бы первые главы? Маркетингу нужно для анонса.

— Пришлю, Жанна, конечно. Я как раз уезжаю писать.

Я этого не планировала. Фраза сказалась сама, а потом мне понравилась. Жанна сказала «чудесно» и спросила куда. Я сказала, что пока не решила. Это было правдой минуты три, пока я не положила трубку и не открыла на ноутбуке карту. Я увеличила лагуну, потом ещё. Город был похож на рыбу, которая плывёт к материку и никак не доплывёт. Я сидела над этой рыбой до темноты и не включала свет.

Вечером я сказала Андрею прямо в коридоре, пока не передумала:

— Андрей, я уеду ненадолго. Одна, дней на десять, книгу дописывать, а то Жанна уже звонит… ну, ты Жанну знаешь. В Венецию.

В Венеции мы были всей семьёй в августе двенадцатого года, в плюс тридцать четыре. Соня обгорела в первый же день, а Гриша потерялся в толпе на Риальто на полчаса, и нашли мы его у лотка с масками, где он торговался за шпагу,

по-русски и руками. Я тогда сказала, что больше никогда туда не поеду. А в ноябре, писали в интернете, Венеция пустая: вода, туман, и город принадлежит тем, кто там живёт. Я прочитала это в половине первого ночи, на трёх сайтах подряд.

— Езжай, конечно, — сказал Андрей. — Отдохни. Я тут справлюсь, не маленький.

Ответил он быстро, и мне стало немного обидно, что быстро. Даты он переспросил дважды.

— С тринадцатого по двадцать третье?

— Да, с тринадцатого, с четверга.

— А двадцать третье точно? Не раньше?

— Точно. Ты записываешь, что ли?

Он записал в календарь. Цвета я не видела: он держал телефон, чуть повернув к себе, как держат карты.

— Как полетишь? Через Стамбул или через Белград? В Белграде пересадка короче, но ночью.

— Я сама посмотрю. Правда, Андрей, я сама.

Андрей поднял на меня глаза. Билеты в нашей семье тридцать лет покупал он. Я, кажется, даже не знала, где у него сохранена моя карта.

— Хорошо, — сказал он. — Сама.

Я выбрала Стамбул, потому что пересадка там днём, а спать сидя я умею только на планёрках. Мультивиза у меня была, до марта; оформлял её, конечно, Андрей. Евро я поменяла наличными и разложила по двум конвертам, как советуют на форумах. Пансион нашла той же ночью: третий этаж,

у Фондамента-Нове, окно на лагуну, шестьдесят восемь евро в сутки с завтраком. В отзывах писали, что хозяйка строгая, а завтрак честный. Одна немка жаловалась, что в номере нет телевизора. Я забронировала через минуту после того, как прочитала про телевизор.

Детям я написала в семейный чат: «Уезжаю на десять дней в Венецию одна, писать книгу. Не скучайте». Ответы пришли в порядке старшинства, как будто они договорились.

Тимофей: «Мам, правильно».

Соня: «Мам!!! Контент!!! Сторис каждый день, я смонтирую».

Гриша: «Привези магнит на холодильник».

Миша: «Возьми нормальные ботинки, там вода».

Эфир семнадцатого Эдуард обещал чем-нибудь закрыть, ему не впервой. Субботу из второго пункта я выбрала в среду: консерватория, восьмое ноября, органный вечер. Андрей купил билеты через четыре минуты, в седьмой ряд. В антракте он прочитал программку от начала до конца.

— Бах шестьдесят пять лет прожил, — сообщил он. — И детей двадцать. Тут написано.

Больше он ничего не сказал. Во втором отделении он не уснул. Я смотрела на него сбоку и видела, что он слушает, и не могла понять, что он там слышит.

Нормальных ботинок я не взяла. Взяла замшевые, удобные, на коробке было написано, что замша обработана от воды. Мише я про это не сказала. Ещё две голубые блузки, но-

утбук и зарядку от старого телефона, которая к новому не подходила.

Андрей стоял в дверях спальни и смотрел, как я складываю блузки.

— Зарядку взяла? Ту, новую?

— Ту, ту.

Он кивнул и ушёл в кабинет. Я положила в боковой карман чемодана старую зарядку, белую, с перемотанным изолентой проводом, и застегнула молнию.

Тринадцатого, в четверг, такси пришло в десять минут шестого. Андрей проснулся раньше будильника, донёс чемодан до машины и сверил номер с приложением.

— Напиши, как сядешь. В Стамбуле сразу напиши, не забудь.

Потом стоял у подъезда в куртке поверх пижамы, пока мы не выехали со двора. Я видела его в заднее стекло. Он не махал, смотрел на номер такси, наверное, чтобы запомнить.

Прямых рейсов в Венецию из Москвы теперь нет. В стамбульском аэропорту я шла до своего выхода двадцать две минуты, с ноутбуком на плече, и на двадцатой заныло правое колено. Левое, как всегда, промолчало. Там же я выпила гранатовый сок за одиннадцать евро и купила зарядку, которая подходила, за двадцать шесть. Телефон ожил на тридцати процентах. В нём было сообщение от Андрея, отправленное ещё до полудня: «Сели?» Я ответила: «Сели. Стамбул». Он ответил: «Хорошо».

В самолёте до Венеции рядом со мной сидела пожилая итальянка в норковой шапке. Она перекрестилась на взлёте, достала из сумки бутерброд с ветчиной и съела его, глядя в спинку кресла. Я открыла файл «Мы_команда_ФИНАЛ_2». Поставила курсор после последней фразы, той, про Андрея, который всегда знает, что мне нужно. И впервые за два года написала новую строчку.

«Мы с Андреем никогда не ссоримся».

Я прочитала её два раза и стёрла. Внизу под крылом было Адриатическое море, тёмное, без единого огня.

Вопрос психологу

Нина Андреевна, хочу поехать в отпуск одна, без мужа. У нас всё хорошо, мы не ссоримся. Двадцать шесть лет вместе, и все двадцать шесть отпусков вдвоём, на одной и той же турбазе под Анапой, в одном и том же домике. Просто хочется побыть одной хоть неделю. Проснуться и не спрашивать, кто что будет на завтрак. Подруга говорит, что так начинаются разводы. Это правда?

Татьяна, Воронеж

Отвечает Нина Ветрова

Татьяна, разводы начинаются с молчания, а желание побыть одной к нему отношения не имеет. Если в паре есть доверие, неделя порознь его только укрепит. Скажите мужу

честно, зачем вам эта поездка. Скажите словами, без намёков, и заранее, чтобы у него было время это обдумать. И обязательно расскажите, когда вернётесь, как она прошла.

Ваша Нина Ветрова

Глава 8
Высокая вода

Катер из аэропорта шёл через лагуну сорок минут, мимо Мурано, и высадил меня у Фондамента-Нове в начале шестого, уже в темноте. В отзывах писали, что туристов на этой набережной не бывает даже летом. В ноябре здесь не было никого, кроме меня с чемоданом и чаек.

Лифта в пансионе не было. Лестница каменная, со стёртыми посередине ступенями, и на втором этаже я остановилась и сделала вид, что ищу в сумке телефон. Колени притворяться не стали. Хозяйка, синьора Пьера, ждала наверху с ключом на деревянной груше. Ей было лет семьдесят пять, она носила мужскую вязаную жилетку поверх платья и сразу забрала у меня чемодан, хотя я сопротивлялась.

Окно выходило на лагуну. В первый вечер там стоял туман, такой плотный, что остров с кладбищем напротив исчез целиком, вместе с кирпичной стеной и кипарисами, про которые я читала. Я сняла туман на телефон и выложила без подписи. Соня через минуту написала: «Мам, это просто серый экран». Я ответила: «Это Венеция».

Вечером Андрей прислал: «Как книга?» Я ответила длинно, как не писала ему давно. Про туман, про синьору Пьеру с её жилеткой и про то, что в Стамбуле зарядка стоит двадцать шесть евро. Он ответил: «Понял. Спокойной ночи». В файл

я в тот вечер ничего не написала.

Наутро меня разбудила сирена. Длинный гудок, потом одна высокая нота. Было без двадцати семь. Я села в кровати и не сразу вспомнила, в какой я стране. Туман за окном поредел, на воде качались две лодки под брезентом.

Синьора Пьера объяснила за завтраком, на смеси английского и жестов: одна нота значит, что вода будет около ста десяти сантиметров. Две ноты больше, четыре совсем плохо. На бумажной салфетке она написала «187» и рядом «2019» и постучала по цифре пальцем. Шесть лет назад, двенадцатого ноября, почти день в день, сирена играла все четыре ноты, и вода стояла у неё в подъезде до пятой ступеньки. Барьеры в лагуне сегодня поднимут, сказала она. Барьеры она называла «Мозе», и я не сразу сообразила, что это Моисей, который раздвигает воду. Но площадь Сан-Марко самая низкая в городе, и её всё равно зальёт по щиколотку. Синьора Пьера показала на мои замшевые ботинки, сказала им «poverine», то есть бедняжки, и покачала головой, как Миша в семейном чате.

Завтрак был честный: кофе и булочка с абрикосовым джемом, одна. Я попросила вторую. Синьора Пьера принесла вторую и взглянула на меня с уважением.

На вапоретто до площади нас было четверо: я, старушка с сумкой на колёсиках и мужчина, у которого из сумки на плече торчала голова таксы. Такса смотрела на воду так же неодобрительно, как синьора Пьера на мои ботинки.

На Сан-Марко вода стояла ровным зеркалом, и в нём отражался собор вверх ногами. Я думала, вода приходит с моря. Она поднималась снизу, из решёток водостока, тихо, с пузырями, и растекалась по камням. Вдоль площади стояли деревянные мостки на железных ножках, по ним гуськом шли школьники с учительницей. Под аркадами официанты в белых куртках стояли в воде по щиколотку и курили. Туристов было человек тридцать, все в одинаковых прозрачных бахилах до колена. Бахилы продавал парень с тележкой у часовой башни, молча и одной рукой, другой он держал телефон и с кем-то ругался. Двенадцать евро. Я купила, надела прямо поверх замши и пошла по воде, как все.

Собор вверх ногами я сфотографировала и отправила Соне, а у себя не выложила. Соня ответила: «Вот это контент!!! Почему не у себя?» Я не знала почему и спрятала телефон в карман, к бумажным салфеткам синьоры Пьеры.

Возле колокольни я услышала русскую речь: мужчина и женщина спорили, куда идти дальше.

— Я же тебе говорила, налево надо было, там мостки!

— Ты говорила «где-нибудь кофе», Лен. Про мостки ты мне ничего не говорила.

Я отвернулась и пошла в другую сторону быстрее, чем можно идти по воде. Вода была холодная даже сквозь пластик, и первые полчаса это было приятно. Через час бахилы протекли. Через полтора я перестала чувствовать пальцы.

Я хотела на Сан-Джорджо, на колокольню, откуда вид. Би-

лет стоил девять с половиной евро, и автомат на пристани принял мою бумажку с третьей попытки, разглаживать её пришлось о колено. Схему линий я читала в очках, отодвинув телефон на вытянутую руку, и всё равно ничего не поняла. Села не на тот вапоретто. Он увёз меня на Джудекку, и у большой белой церкви с куполом я сошла, потому что ноги больше не могли стоять в мокром.

На Джудекке пахло водой и почему-то стружкой. Набережная была пустая. Я пошла налево, поближе к стенам, потому что от воды дуло. Бахилы хлюпали на каждом шаге, громко, на всю набережную. Я старалась ступать мягче, мягче не получалось. У причала качались лодки под брезентом, на верёвке между двумя окнами висели мужские рубашки. Стружкой пахло из открытой двери в низком доме. Внутри горела печка, у верстака стоял человек в фартуке и вырезал из светлого дерева что-то изогнутое, похожее на волну, которая замёрзла на самом гребне.

Я остановилась в дверях, потому что от печки шло тепло. Человек поднял голову. Ему было около шестидесяти. Седой, очки сдвинуты на лоб, в бровях стружка.

Взгляд его остановился на моих ногах. Бахилы были полны воды, как два аквариума.

— Your shoes, — сказал он. — Finished.

— Yes, — сказала я. — Finished.

Он показал на табурет у печки. Я села. Он снял с меня бахилы, вылил из них воду за порог, расшнуровал ботинки

и поставил их к печке, набив газетой «Гадзеттино», плотно, до носков. Потом ушёл в глубину мастерской и вернулся с толстыми серыми шерстяными носками.

— Clean, — сказал он про носки и показал на себя. — Му.

Его чистые носки были мне велики на два размера, пятка оказалась где-то у щиколотки. Колючие, заштопанные на пятке аккуратно, серой ниткой в тон. Он поставил на печку маленькую кофеварку и вернулся к верстаку, будто меня здесь нет, и я сидела в его носках, грела ладони о колени и думала, что за весь год со мной так вежливо никто не обходился.

У нас это называется «выдерживать присутствие»: быть рядом с человеком и ничего от него не требовать. Я однажды объясняла это в эфире, с примерами, и Эдуард потом жаловался, что на этом месте просел рейтинг. Человек у верстака, по-моему, просто не знал, что со мной ещё делать.

Мастерская была длинная и низкая, с одним окном на канал. Вдоль задней стены до потолка стояли доски, тёмные, толстые, и на торце каждой мелом был написан год. Самый старый, какой я разглядела, был 2009. На гвоздях висели фанерные лекала. На верстаке лежали топорик и рашпиль, стёртый до блеска, стамески стояли отдельно, на полке, по росту. Под верстаком бормотало радио. Говорили про воду, я разобрала только «centimetri».

Кофе он налил в стеклянный стакан, без блюдца. Стакан был горячий, я держала его за самый верх, кончиками паль-

цев, и спросила, что он вырезает. Английский у него был хуже моего, а мой остановился на курсах при Доме журналиста в две тысячи девятом. Слова он искал долго и помогал себе руками. Я поняла так: это для гондолы. Весло (тут он показал, как гребут) спит вот здесь, в выемке. Называется форкола.

На стене висели десятки таких волн разной высоты, тёмные и светлые, с отверстиями и выступами. Каждая делается под одного гондольера: под его рост, руку, манеру грести. Орех. Сорок часов на одну, если дерево послушное. А если дерево сердится, сказал он и пожал плечами, то больше.

Он снял со стены одну, тёмную, и показал выемки на изгибе. В одну весло ложится, когда плывёшь прямо. В другую, когда надо повернуть у стены, в узком канале. Как поворачивают, он показал всем телом, с невидимым веслом, и чуть не задел плечом лекала на гвоздях. Форколу повесил обратно на тот же гвоздь и поправил, чтобы висела ровно.

Руки у него были в мелких порезах, старых и свежих, на указательном пальце пластырь, тоже в стружке. Работал он не торопясь. Прикладывал к изгибу фанерное лекало, смотрел на просвет, сдувал пыль и снимал ещё. Один раз закрыл глаза и провёл по дереву ладонью, от края до края, медленно. Так врач щупает живот. Открыл глаза, недовольно хмыкнул и снова взял стамеску.

Стружка из-под стамески шла тонкая, на просвет, и я смотрела на неё и ждала, когда он меня узнает. Меня девять

лет узнают, в аптеках, в очереди к нотариусу, женщины трогают за рукав и говорят: «Нина Андреевна, вы мне брак спасли». Врач в поликлинике на Пироговке однажды выписала мне направление на анализы, а на обороте попросила расписаться, для мамы, и я расписалась и потом месяц думала, что там увидит лаборантка. Я даже повернулась к нему удачной стороной, честное слово. Он не обернулся. Человек в фартуке вырезал уключину.

Пальцы на ногах начали отходить и заныли. Я пошевелила ими в чужих носках. Он, не отрываясь от стамески, подвинул ногой табурет ближе к печке, вместе со мной. Табурет проехал по каменному полу с таким скрежетом, что мы оба вздрогнули.

Через час ботинки высохли. Он потрогал их, кивнул и подал мне. Газету вынул сам, комками, и бросил в печку. Носки я хотела снять, но он покачал головой и показал на улицу: вода.

Я хотела оставить на табурете десять евро за кофе. Подержала бумажку в руке и убрала обратно. Мне показалось, что за такое не платят. Спросить, так ли это, я не умела ни на одном языке, кроме русского.

— Sandro, — сказал он и ткнул себя пальцем в грудь.

Я открыла рот, чтобы назвать своё имя. В этот момент вошёл гондольер, огромный, в полосатой фуфайке, и громко заговорил по-венециански. Сандро повернулся к нему. Гондольер снял со стены одну из тёмных форкол, положил на

неё ладонь и замер, слушая что-то, чего я не слышала. Потом сказал одно слово, и Сандро засмеялся.

Я вышла. Обратный билет автомат продал мне с первой попытки, как своей. На вапоретто я ехала в чужих носках, в своих ботинках, набитых запахом печки, и смотрела, как Джудекка уходит в туман.

К вечеру туман у Фондамента-Нове разошёлся, и остров напротив вернулся на место, с кирпичной стеной и кипарисами, и на нём горели маленькие красные огоньки. Синьора Пьера встретила меня на лестнице. Посмотрела на мои ноги, на серые носки, торчащие из ботинок, и подняла брови. Больше ничего. Я поднялась на третий этаж и на этот раз на втором не останавливалась.

Вечером Андрей написал: «Как книга?» Я написала ему про воду на площади, про собор вверх ногами и про бахилы за двенадцать евро. Про носки не написала. Он ответил: «Понял». Носки лежали на батарее, серые, огромные, и пахли печкой. Ноутбук лежал на столе в чехле. Я обошла его два раза, пока искала зарядку, и оба раза не открыла. За стеной у синьоры Пьеры работал телевизор, там кто-то кричал по-итальянски, и зал смеялся. Я сидела на кровати и смотрела на красные огоньки на острове. Ноги у меня были тёплые до самых пальцев.

Он не спросил, как меня зовут. Я пришла на следующий день, чтобы ему сказать.

Вопрос психологу

Нина Андреевна, это Галина из Серпухова, я вам звонила в сентябре. Я сделала всё, как вы сказали. Позвала мужа в санаторий в Ессентуках, где мы были в молодости, через два года после свадьбы. Тот же корпус, только теперь там лифт. Я выбрала вечер, когда он выиграл в домино, и сказала словами, чего мне не хватает. Он выслушал и сказал: «Галь, ты устала, отдохни». И пошёл за кефиром, потому что в столовой давали кефир до восьми. Я сделала ещё немного, как вы советовали. Ещё два месяца. Воду в ванной я больше не открываю, я теперь плачу тихо. Что теперь?

Галина, Серпухов

Ответ в рубрике не опубликован.

Часть вторая
Высокая вода

Глава 9
Двести слов

Наутро я поехала отдавать носки. Постирала их в раковине пансиона мылом из дорожного набора и сушила ночь на батарее. Носки были предлогом, это я понимала ещё на пристани, пока разглаживала о колено бумажку для автомата, и всё равно разгладила и купила билет.

Сидела я снаружи, на корме, хотя внутри было тепло. Носки лежали в сумке, сложенные вдвое, в пакете из-под булочек синьоры Пьеры. Всю дорогу я повторяла про себя «My name is Nina», как на курсах при Доме журналиста, где преподавательница из Бристоля требовала говорить полными предложениями. К Джудекке фраза стёрлась от повторов и звучала как чужая.

Сандро стоял у верстака в том же фартуке. Увидел меня и показал подбородком на табурет, как будто мы договаривались на десять.

— Nina, — сказала я и положила носки на верстак. — My name.

— Nina, — повторил он.

Ударение он поставил туда же, куда ставим мы, на первый слог. Только «и» у него вышло длинное, а последнее «а» он договорил до конца, открыто, ничего не экономя. Дома меня тридцать лет звали «Нин», на канале «Нина Андреевна». Целиком, одним словом и безо всякого хвоста, меня давно никто не называл, и секунду я ждала, что из глубины мастерской откликнется какая-то другая Нина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.